

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ. Литература русского зарубежья – ветвь русской литературы, возникшей после 1917 и издававшейся вне СССР и России. Различают три периода или три волны русской эмигрантской литературы. Первая волна – с 1918 до начала Второй мировой войны, оккупации Парижа – носила массовый характер. Вторая волна возникла в конце Второй мировой войны (И.Елагин, Д.Кленовский, Л.Ржевский, Н.Моршен, Б.Филлипов).

Третья волна началась после хрущевской «оттепели» и вынесла за пределы России крупнейших писателей ([А.Солженицын](#), [И.Бродский](#), [С.Довлатов](#)). Наибольшее культурное и литературное значение имеет творчество писателей первой волны русской эмиграции.

ПЕРВАЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ (1918–1940)

Положение русской литературы в изгнании

Понятие «русское зарубежье» возникло и оформилось после Октябрьской революции 1917, когда Россию массово начали покидать беженцы. После 1917 из России выехало около 2-х миллионов человек. В центрах рассеяния – Берлине, Париже, Харбине – была сформирована «Россия в миниатюре», сохранившая все черты русского общества. За рубежом выходили русские газеты и журналы, были открыты школы и университеты, действовала [Русская Православная Церковь](#). Но несмотря на сохранение первой волной эмиграции всех особенностей русского дореволюционного общества, положение беженцев было трагическим. В прошлом у них была потеря семьи, родины, социального статуса, рухнувший в небытие уклад, в настоящем – жестокая необходимость вживаться в чуждую действительность. Надежда на скорое возвращение не оправдалась, к середине 1920-х стало очевидно, что России не вернуть и в Россию не вернуться. Боль ностальгии сопровождалась необходимостью тяжелого физического труда, бытовой неустроенностью; большинство эмигрантов вынуждено было завербоваться на заводы «Рено» или, что считалось более привилегированным, освоить профессию таксиста.

Россию покинул цвет русской интеллигенции. Больше половины философов, писателей, художников были высланы из страны или эмигрировали. За пределами родины оказались религиозные философы [Н.Бердяев](#), С.Булгаков, [Н.Лосский](#), [Л.Шестов](#), [Л.Карсавин](#). Эмигрантами стали Ф.Шаляпин, И.Репин, К.Коровин, известные актеры М.Чехов и И.Мозжухин, звезды балета Анна Павлова, Вацлав Нижинский, композиторы С.Рахманинов и И.Стравинский. Из числа известных писателей эмигрировали: [Ив.Бунин](#), [Ив.Шмелев](#), [А.Аверченко](#), [К.Бальмонт](#), [З.Гиппиус](#), Дон-Аминадо, [Б.Зайцев](#), [А.Куприн](#), [А.Ремизов](#), [И.Северянин](#), [А.Толстой](#), [Тэффи](#), [И.Шмелев](#), Саша Черный. Выехали за границу и молодые литераторы: [М.Цветаева](#), [М.Алданов](#), [Г.Адамович](#), Г.Иванов, [В.Ходасевич](#). Русская литература, откликнувшаяся на события революции и гражданской войны, запечатлевшая рухнувший в небытие дореволюционный уклад, оказывалась в эмиграции одним из духовных оплотов нации. Национальным праздником русской эмиграции стал день рождения Пушкина.

В то же время, в эмиграции литература была поставлена в неблагоприятные условия: отсутствие массового читателя, крушение социально-психологических устоев, бесприютность, нужда большинства писателей должны были неизбежно подорвать силы русской культуры. Но этого не произошло: с 1927 начинается расцвет русской зарубежной литературы, на русском языке создаются великие книги. В 1930 Бунин писал:

«Упадка за последнее десятилетие, на мой взгляд, не произошло. Из видных писателей, как зарубежных, так и «советских», ни один, кажется, не утратил своего таланта, напротив, почти все окрепли, выросли. А, кроме того, здесь, за рубежом, появилось и несколько новых талантов, бесспорных по своим художественным качествам и весьма интересных в смысле влияния на них современности».

Утратив близких, родину, всякую опору в бытии, поддержку где бы то ни было, изгнанники из России получили взамен право творческой свободы. Это не свело литературный процесс к идеологическим спорам. Атмосферу эмигрантской литературы определяла не политическая или гражданская неподотчетность писателей, а многообразие свободных творческих поисков.

В новых непривычных условиях («Здесь нет ни стихии живого быта, ни океана живого языка, питающих работу художника», – определял [Б.Зайцев](#)) писатели сохранили не только политическую, но и внутреннюю свободу, творческое богатство в противостоянии горьким реалиям эмигрантского существования.

Развитие русской литературы в изгнании шло по разным направлениям: писатели старшего поколения исповедовали позицию «сохранения заветов», самоценность трагического опыта эмиграции признавалась младшим поколением (поэзия Г.Иванова, «парижской ноты»), появились писатели, ориентированные на западную традицию ([В.Набоков](#), [Г.Газданов](#)). «Мы не в изгнании, мы в послании», – формулировал «мессианскую» позицию «старших» [Д.Мережковский](#). «Отдать себе отчет в том, что в России или в эмиграции, в Берлине или на Монпарнасе, человеческая жизнь продолжается, жизнь с большой буквы, по-западному, с искренним уважением к ней, как средоточию всего содержания, всей глубины жизни вообще...», – такой представлялась задача литератора писателю младшего поколения Б.Поплавскому. «Следует ли напоминать еще один раз, что культура и искусство суть понятия динамические», – подвергал сомнению ностальгическую традицию Г.Газданов.

Старшее поколение писателей-эмигрантов.

Стремление «удержать то действительно ценное, что одухотворяло прошлое» (Г.Адамович) – в основе творчества писателей старшего поколения, успевших войти в литературу и составить себе имя еще в дореволюционной России. К старшему поколению писателей относят: Бунину, Шмелева, Ремизова, Куприна, Гиппиус, Мережковского, [М.Осоргина](#). Литература «старших» представлена преимущественно прозой. В изгнании прозаиками старшего поколения создаются великие книги: *Жизнь Арсеньева* (Нобелевская премия 1933), *Темные аллеи* Бунина; *Солнце мертвых*, *Лето Господне*, *Богомолье* Шмелева; *Сивцев Вражек* Осоргина; *Путешествие Глеба*, *Преподобный Сергей Радонежский* Зайцева; *Иисус Неизвестный* Мережковского. Куприн выпускает два романа *Купол святого Исаакия Далматского* и *Юнкера*, повесть *Колесо времени*. Значительным литературным событием становится появление книги воспоминаний *Живые лица* Гиппиус.

Среди поэтов, чье творчество сложилось в России, за границу выехали [И.Северянин](#), [С.Черный](#), Д.Бурлюк, [К.Бальмонт](#), Гиппиус, [Вяч.Иванов](#). В историю русской поэзии в изгнании они внесли незначительную лепту, уступив пальму первенства молодым поэтам – Г.Иванову, Г.Адамовичу, В.Ходасевичу, М.Цветаевой, Б.Поплавскому, А.Штейгеру и др. Главным мотивом литературы старшего поколения стала тема ностальгической памяти об утраченной родине. Трагедии изгнанничества противостояло громадное наследие русской культуры, мифологизированное и поэтизированное прошедшее. Темы, к которым наиболее часто обращаются прозаики старшего поколения, ретроспективны: тоска по «вечной России», события революции и гражданской войны, русская история, воспоминания о детстве и юности. Смысл обращения к «вечной России» получили биографии писателей, композиторов, жизнеописания святых: Ив.Бунин пишет о Толстом (*Освобождение Толстого*), М.Цветаева – о Пушкине (*Мой Пушкин*), В.Ходасевич – о Державине (*Державин*), Б.Зайцев – о Жуковском, Тургеневе, Чехове, Сергии Радонежском (одноименные биографии). Создаются автобиографические книги, в которых мир детства и юности, еще не затронутый великой катастрофой, видится «с другого берега» идиллическим и просветленным: поэтизирует прошлое Ив.Шмелев (*Богомолье*, *Лето Господне*), события юности реконструирует Куприн (*Юнкера*), последнюю автобиографическую книгу русского писателя-

дворянина пишет Бунин (*Жизнь Арсеньева*), путешествие к «истокам дней» запечатлевают Б.Зайцев (*Путешествие Глеба*) и Толстой (*Детство Никиты*). Особый пласт русской эмигрантской литературы составляют произведения, в которых дается оценка трагическим событиям революции и гражданской войны. Эти события перемежаются со снами, видениями, уводящими в глубь народного сознания, русского духа в книгах Ремизова *Взвихренная Русь*, *Учитель музыки*, *Сквозь огонь скорбей*. Скорбной обличительностью насыщены дневники Бунина *Окаянные дни*. Роман Осоргина *Сивцев Вражек* отражает жизнь Москвы в военные и предвоенные годы, во время революции. Шмелев создает трагическое повествование о красном терроре в Крыму – эпопею *Солнце мертвых*, которую Т.Манн назвал «кошмарным, окутанным в поэтический блеск документом эпохи». Осмыслению причин революции посвящен *Ледяной поход Р.Гуля*, *Зверь из бездны* Е.Чирикова, исторические романы примкнувшего к писателям старшего поколения Алданова (*Ключ*, *Бегство*, *Пещера*), трехтомный *Распутин* В.Наживина. Противопоставляя «вчера» и «ныне», старшее поколение делало выбор в пользу утраченного культурного мира старой России, не признавая необходимости вживаться в новую действительность эмиграции. Это обусловило и эстетический консерватизм «старших»: «Пора бросить идти по следам Толстого? – недоумевал Бунин. – А по чьим следам надо идти?».

Младшее поколение писателей в эмиграции

Иной позиции придерживалось младшее «незамеченное поколение» писателей в эмиграции (термин писателя, литературного критика В.Варшавского), поднявшееся в иной социальной и духовной среде, отказавшееся от реконструкции безнадежно утраченного. К «незамеченному поколению» принадлежали молодые писатели, не успевшие создать себе прочную литературную репутацию в России: В.Набоков, Г.Газданов, М.Алданов, М.Агеев, Б.Поплавский, [Н.Берберова](#), А.Штейгер, Д.Кнут, И.Кнорринг, Л.Червинская, В.Смоленский, И.Одоевцева, [Н.Оцуп](#), И.Голенищев-Кутузов, Ю.Мандельштам, Ю.Терапиано и др. Их судьба сложилась различно. Набоков и Газданов завоевали общеевропейскую, в случае Набокова, даже мировую славу. Алданов, начавший активно печатать исторические романы в самом известном эмигрантском журнале «Современные записки», примкнул к «старшим». Практически никто из младшего поколения писателей не мог заработать на жизнь литературным трудом: Газданов стал таксистом, Кнут развозил товары, Терапиано служил в фармацевтической фирме, многие перебивались грошовым приработком. Характеризуя положения «незамеченного поколения», обитавшего в мелких дешевых кафе Монпарнаса, В.Ходасевич писал: «Отчаяние, владеющее душами Монпарнаса... питается и поддерживается оскорблениями и нищетой... За столиками Монпарнаса сидят люди, из которых многие днем не обедали, а вечером затрудняются спросить себе чашку кофе. На Монпарнасе порой сидят до утра потому, что ночевать негде. Нищета деформирует и само творчество». Наиболее остро и драматично тяготы, выпавшие на долю «незамеченного поколения», отразились в бескрайней поэзии «парижской ноты», созданной [Г.Адамовичем](#). Предельно исповедальная, метафизическая и безнадежная «парижская нота» звучит в сборниках Поплавского (*Флаги*), Оцупа (*В дыму*), Штейгера (*Эта жизнь, Дважды два – четыре*), Червинской (*Приближение*), Смоленского (*Наедине*), Кнута (*Парижские ночи*), А.Присмановой (*Тень и тело*), Кнорринг (*Стихи о себе*). Если старшее поколение вдохновлялось ностальгическими мотивами, то младшее оставило документы русской души в изгнании, изобразив действительность эмиграции. Жизнь «русского монпарно» запечатлена в романах Поплавского *Аполлон Безобразов*, *Домой с небес*. Немалой популярностью пользовался и *Роман с кокаином* Агеева. Широкое распространение приобрела и бытовая проза: Одоевцева *Ангел смерти*, *Изольда*, *Зеркало*, Берберова *Последние и первые*. *Роман из эмигрантской жизни*.

Исследователь эмигрантской литературы [Г.Струве](#) писал: «Едва ли не самым ценным вкладом писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут признаны разные формы нехудожественной литературы – критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная проза». Младшее поколение писателей внесло значительный вклад в мемуариистику: Набоков *Другие берега*, Берберова *Курсив мой*, Терапиано *Встречи*, Варшавский *Незамеченное поколение*, В.Яновский *Поля Елисейские*, Одоевцева *На берегах Невы*, *На берегах Сены*, Г.Кузнецова *Грасский дневник*.

Набоков и Газданов принадлежали к «незамеченному поколению», но не разделили его судьбы, не усвоив ни божественно-нищенского образа жизни «русских монпарно», ни их безнадежного мироощущения. Их объединяло стремление найти альтернативу отчаянию, изгнаннической неприкаянности, не участвуя при этом в круговой поруке воспоминаний, характерной для «старших». Медитативная проза Газданова, технически остроумная и беллетристически элегантная была обращена к парижской действительности 1920 – 1960-х. В основе его мироощущения – философия жизни как формы сопротивления и выживания. В первом, в значительной степени автобиографическом романе *Вечер у Клэр* Газданов давал своеобразный поворот традиционной для эмигрантской литературы теме ностальгии, заменяя тоску по утраченному реальным воплощением «прекрасного сна». В романах *Ночные дороги*, *Призрак Александра Вольфа*, *Возвращение Будды* спокойному отчаянию «незамеченного поколения» Газданов противопоставил героический стоицизм, веру в духовные силы личности, в ее способность к преображению. Своеобразно преломился опыт русского эмигранта и в первом романе В.Набокова *Машенька*, в котором путешествие к глубинам памяти, к «восхитительно точной России» высвобождало героя из плена унылого существования. Блистательных персонажей, героев-победителей, одержавших победу в сложных, а подчас и драматичных, жизненных ситуациях, Набоков изображает в своих романах *Приглашение на казнь*, *Дар*, *Ада*, *Подвиг*. Торжество сознания над драматическими и убогими обстоятельствами жизни – таков пафос творчества Набокова, скрывавшийся за игровой доктриной и декларативным эстетизмом. В эмиграции Набоков также создает: сборник рассказов *Весна в Фиальте*, мировой бестселлер *Лолита*, романы *Отчаяние*, *Камера обскура*, *Король, дама, валет*, *Посмотри на арлекинов*, *Пнин*, *Бледное пламя* и др.

В промежуточном положении между «старшими» и «младшими» оказались поэты, издавшие свои первые сборники до революции и довольно уверенно заявившие о себе еще в России: Ходасевич, Иванов, Цветаева, Адамович. В эмигрантской поэзии они стоят особняком. Цветаева в эмиграции переживает творческий взлет, обращается к жанру поэмы, «монументальному» стиху. В Чехии, а затем во Франции ей написаны *Царь-девица*, *Поэма Горы*, *Поэма Конца*, *Поэма воздуха*, *Крысолов*, *Лестница*, *Новогоднее*, *Попытка комнаты*. Ходасевич издает в эмиграции вершинные свои сборники *Тяжелая лира*, *Европейская ночь*, становится наставником молодых поэтов, объединившихся в группу «Перекресток». Иванов, пережив легковесность ранних сборников, получает статус первого поэта эмиграции, выпускает поэтические книги, зачисленные в золотой фонд русской поэзии: *Стихи*, *Портрет без сходства*, *Посмертный дневник*. Особое место в литературном наследии эмиграции занимают мемуары Иванова *Петербургские зимы*, *Китайские тени*, его известная поэма в прозе *Распад атома*. Адамович публикует программный сборник *Единство*, известную книгу эссе *Комментарии*.

Центры рассеяния

Основными центрами рассеяния русской эмиграции явились Константинополь, София, Прага, Берлин, Париж, Харбин. Первым местом беженства стал Константинополь – очаг русской культуры в начале 1920-х. Здесь оказались бежавшие с Врангелем из Крыма русские белогвардейцы, которые затем рассеялись по Европе. В Константинополе в течение нескольких месяцев издавался еженедельник «Зарницы», выступал [А.Вертинский](#). Значительная русская колония возникла и в Софии, где выходил журнал «Русская мысль». В начале 1920-х литературной столицей русской эмиграции стал Берлин. Русская диаспора в Берлине до прихода к власти Гитлера составляла 150 тысяч человек. С 1918 по 1928 в Берлине было зарегистрировано 188 русских издательств, большими тиражами печаталась русская классика – Пушкин, Толстой, произведения современных авторов – Бунина, Ремизова, Берберовой, Цветаевой, был восстановлен Дом искусств (по подобию петроградского), образовалось содружество писателей, музыкантов, художников «Веретено», работала «Академия прозы». Существенная особенность русского Берлина, – диалог двух ветвей культуры – зарубежной и оставшейся в России. В Германию выезжают многие советские писатели: [М.Горький](#), В.Маяковский, [Ю.Тынянов](#), К.Федин. «Для нас нет в области книги разделения на Советскую Россию и эмиграцию», – декларировал берлинский журнал «Русская книга». Когда надежда на скорое возвращение в Россию стала угасать и в Германии начался

экономический кризис, центр эмиграции переместился в Париж, с середины 1920-х – столицу русского зарубежья.

К 1923 в Париже обосновались 300 тысяч русских беженцев. В Париже живут: Бунин, Куприн, Ремизов, Гиппиус, Мережковский, Ходасевич, Иванов, Адамович, Газданов, Поплавский, Цветаева и др. С Парижем связана деятельность основных литературных кружков и групп, ведущую позицию среди которых занимала [«Зеленая лампа»](#). «Зеленая лампа» была организована в Париже Гиппиус и Мережковским, во главе общества встал Г.Иванов. На заседании «Зеленой лампы» обсуждались новые книги, журналы, обсуждались работы русских литераторов старшего поколения. «Зеленая лампа» объединяла «старших» и «младших», в течение всех предвоенных лет была наиболее оживленным литературным центром Парижа. Молодые парижские литераторы объединились в группу «Кочевье», основанную ученым-филологом и критиком М.Слонимом. С 1923 по 1924 в Париже собиралась также группа поэтов и художников «Через». Парижские эмигрантские газеты и журналы представляли собой летопись культурной и литературной жизни русского зарубежья. В дешевых кафе Монпарнаса разворачивались литературные дискуссии, создавалась новая школа эмигрантской поэзии, известная как «парижская нота». Литературная жизнь Парижа сойдет на нет с началом Второй мировой войны, когда, по словам Набокова, «станет на русском Парнасе темно». Русские писатели-эмигранты останутся верны приютившей их стране, оккупированному Парижу. Термин «Сопrotивление» возникнет и приживется в среде русских эмигрантов, многие из которых окажутся его активными участниками. Адамович запишется добровольцем на фронт. Писательница З.Шаховская станет сестрой в военном госпитале. Мать Мария (поэтесса [Е.Кузьмина-Караваева](#)) погибнет в немецком концлагере, Газданов, Оцуп, Кнут примкнут к Сопrotивлению. Бунин в горькие годы оккупации напишет книгу о торжестве любви и человечности (*Темные аллеи*).

Восточные центры рассеяния – Харбин и Шанхай. Молодой поэт А.Ачаир организует в Харбине литературное объединение «Чураевка». Его собрания включали до 1000 человек. За годы существования «Чураевки» в Харбине было выпущено более 60 поэтических сборников русских поэтов. В харбинском журнале «Рубеж» печатались поэты А.Несмелов, В.Перелешин, М.Колосова. Существенное направление харбинской ветви русской словесности составит этнографическая проза (Н.Байков *В дебрях Маньчжурии*, *Великий Ван*, *По белу свету*). С 1942 литературная жизнь сместится из Харбина в Шанхай.

Научным центром русской эмиграции долгое время была Прага. В Праге был основан Русский народный университет, там бесплатно учились 5 тысяч русских студентов. Сюда же перебрались многие профессора и преподаватели вузов. Важную роль в сохранении славянской культуры, развитии науки сыграл [«Пражский лингвистический кружок»](#). С Прагой связано творчество Цветаевой, которая создает в Чехии лучшие свои произведения. До начала Второй мировой войны в Праге выходило около 20 русских литературных журналов и 18 газет. Среди пражских литературных объединений – «Скит поэтов», Союз русских писателей и журналистов.

Русское рассеяние затронуло и Латинскую Америку, Канаду, Скандинавию, США. Писатель Г.Гребенщиков, переехав в 1924 в США, организовал здесь русское издательство «Алатас». Несколько русских издательств было открыто в Нью-Йорке, Детройте, Чикаго.

Основные события жизни русской литературной эмиграции

Одним из центральных событий жизни русской эмиграции станет полемика [Ходасевича](#) и [Адамовича](#), продолжавшаяся с 1927 по 1937. В основном полемика разворачивалась на страницах парижских газет «Последние новости» (печатался Адамович) и «Возрождение» (печатался Ходасевич). Ходасевич полагал главной задачей русской литературы в изгнании сохранение русского языка и культуры. Он ратовал за мастерство, настаивал на том, что эмигрантская литература должна наследовать величайшие достижения предшественников, «привить классическую розу» к эмигрантскому дичку. Вокруг Ходасевича объединились молодые поэты группы «Перекресток»: Г.Раевский, И.Голенищев-Кутузов, Ю.Мандельштам, В.Смоленский. Адамович требовал от молодых поэтов не столько мастерства, сколько простоты и правдивости «человеческих документов», возвышал голос в защиту «черновики, записных книжек». В отличие от Ходасевича, противопоставившего драматическим реалиям эмиграции гармонию

пушкинского языка, Адамович не отвергал упадническое, скорбное мироощущение, а отражал его. Адамович – вдохновитель литературной школы, вошедшей в историю русской зарубежной литературы под именем «парижской ноты» (А.Штейгер, Л.Червинская и др.). К литературным спорам Адамовича и Ходасевича присоединилась эмигрантская пресса, виднейшие критики эмиграции А.Бем, П.Бицилли, М.Слоним, а также В.Набоков, В.Варшавский.

Споры о литературе шли и в среде «незамеченного поколения». Статьи Газданова, Поплавского о положении молодой эмигрантской литературы внесли свою лепту в осмысление литературного процесса за рубежом. В статье *О молодой эмигрантской литературе* Газданов признавал, что новый социальный опыт и статус покинувших Россию интеллигентов, делает невозможным сохранение иерархического облика, искусственно поддерживаемой атмосферы дореволюционной культуры. Отсутствие современных интересов, заклинание прошлого превращает эмиграцию в «живой иероглиф». Эмигрантская литература стоит перед неизбежностью освоения новой реальности. «Как жить? – спрашивал Поплавский в статье *О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции*. – Погибать. Улыбаться, плакать, делать трагические жесты, проходить, улыбаясь на огромной глубине, в страшной нищете. Эмиграция – идеальная обстановка для этого». Страдания русских эмигрантов, которыми должна питаться литература, тождественны откровению, они сливаются с мистической симфонией мира. Изгнаннический Париж, по мнению Поплавского, станет «зерном будущей мистической жизни», колыбелью возрождения России.

На атмосферу русской литературы в изгнании значительным образом повлияет полемика сменовеховцев и евразийцев. В 1921 в Праге вышел сборник *Смена вех* (авторы Н.Устрялов, С.Лукиянов, А.Бобрищев-Пушкин – бывшие белогвардейцы). Сменовеховцы призывали принять большевистский режим, во имя родины пойти на компромисс с большевиками. В среде сменовеховцев зародится идея национал-большевизма и использования большевизма в национальных целях. Трагическую роль сменовеховство сыграет в судьбе Цветаевой, муж которой С.Эфрон работал на советские спецслужбы. В том же 1921 в Софии был выпущен сборник *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев*. Авторы сборника (П.Савицкий, П.Сувчинский, князь Н.Трубецкой, Г.Флоровский) настаивали на особом промежуточном положении России – между Европой и Азией, видели Россию как страну с мессианским предназначением. На евразийской платформе выходил журнал «Версты», в котором печатались Цветаева, Ремизов, Белый.

Литературно-общественные издания русской эмиграции

Одним из самых влиятельных общественно-политических и литературных журналов русской эмиграции были *«Современные записки»*, издававшиеся эсерами В.Рудневым, М.Вишняком, И.Бунаковым (Париж, 1920–1939, основатель И.Фондаминский-Буняков). Журнал отличался широтой эстетических взглядов и политической терпимостью. Всего вышло 70 номеров журнала, в которых печатались наиболее известные писатели русского зарубежья. В «Современных записках» увидели свет: *Защита Лужина, Приглашение на казнь, Дар* Набокова, *Митина любовь* и *Жизнь Арсеньева* Бунина, стихотворения Иванова, Сивцев *Вражек* Осоргина, *Хожение по мукам* Толстого, *Ключ* Алданова, автобиографическая проза Шаляпина. Журнал давал рецензии на большинство вышедших в России и за рубежом книг практически по всем отраслям знаний.

С 1937 издатели «Современных записок» стали выпускать также ежемесячный журнал «Русские записки» (Париж, 1937–1939, ред. П.Милуков), который печатал произведения Ремизова, Ачаира, Газданова, Кнорринг, Червинскую.

Основным печатным органом писателей «незамеченного поколения», долгое время не имевших своего издания, стал журнал *«Числа»* (Париж, 1930–1934, ред. Оцуп). За 4 года вышло 10 номеров журнала. «Числа» стали рупором идей «незамеченного поколения», оппозицией традиционным «Современным запискам». «Числа» культивировали «парижскую ноту» и печатали Иванова, Адамовича, Поплавского, Блох, Червинскую, Агеева, Одоевцеву. Поплавский так определял значение нового журнала: «Числа» есть атмосферическое явление, почти единственная атмосфера безграничной свободы, где может дышать

новый человек». В журнале публиковались также заметки о кино, фотографии, спорте. Журнал отличало высокое, на уровне дореволюционных изданий, качество полиграфического исполнения.

Среди наиболее известных газет русской эмиграции – орган республиканско-демократического объединения «Последние новости» (Париж, 1920–1940, ред. П.Милуков), монархическое выражавшее идею белого движения «Возрождение» (Париж, 1925–1940, ред. П.Струве), газеты «Звено» (Париж, 1923–1928, ред. Милуков), «Дни» (Париж, 1925–1932, ред. А.Керенский), «Россия и славянство» (Париж, 1928–1934, ред. Зайцев) и др.

Судьба и культурное наследие писателей первой волны русской эмиграции – неотъемлемая часть русской культуры 20 в., блистательная и трагическая страница в истории русской литературы.

ВТОРАЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ (1940-е – 1950-е годы)

Вторая волна эмиграции, порожденная второй мировой войной, не отличалась таким массовым характером, как эмиграция из большевистской России. Со второй волной СССР покидают военнопленные, перемещенные лица – граждане, угнанные немцами на работы в Германию. Большинство эмигрантов второй волны селились в Германии (преимущественно в Мюнхене, имевшем многочисленные эмигрантские организации) и в Америке. К 1952 в Европе насчитывалось 452 тысячи бывших граждан СССР. 548 тысяч русских эмигрантов к 1950 прибыло в Америку.

Среди писателей, вынесенных со второй волной эмиграции за пределы родины оказались [И.Елагин](#), Д.Кленовский, [Ю.Иваск](#), Б.Нарциссов, И.Чиннов, В.Синкевич, Н.Нароков, Н.Моршен, С.Максимов, В.Марков, Б.Ширяев, Л.Ржевский, В.Юрасов и др. На долю выехавших из СССР в 1940-е выпали тяжелые испытания. Это не могло не сказаться на мироощущении литераторов: самыми распространенными темами в творчестве писателей второй волны становятся лишения войны, плен, ужасы большевистского террора.

В эмигрантской поэзии 1940–1950-х преобладает политическая тематика: Елагин пишет Политические фельетоны в стихах, антитоталитарные стихи публикует Моршен (*Тюлень, Вечером 7 ноября*). Виднейшим поэтом второй волны критика наиболее часто называет Елагина. Основными «узлами» своего творчества он называл гражданственность, беженскую и лагерную темы, ужас перед машинной цивилизацией, урбанистическую фантастику. По социальной заостренности, политическому и гражданскому пафосу стихи Елагина оказывались ближе советской поэзии военного времени, нежели «парижской ноте».

К философской, медитативной лирике обратились Иваск, Кленовский, Синкевич. Религиозные мотивы звучат в стихах Иваска. Принятие мира – в сборниках Синкевич *Наступление дня, Цветение трав, Здесь я живу*. Оптимизмом и гармоничной ясностью отмечена лирика Д.Кленовского (книги *Палитра, След жизни, Навстречу небу, Прикосновение, Уходящие паруса, Певучая ноша, Теплый вечер, Последнее*). Значителен вклад в эмигрантскую поэзию и Чиннова, Т.Фесенко, В.Завалишина, И.Буркина.

Герои, не сжившиеся с советской действительностью, изображены в книгах прозаиков второй волны. Трагична судьба Федора Панина в романе Юрасова *Параллакс*. С.Марков полемизирует с шолоховской *Поднятой целиной* в романе *Денис Бушуев*. К лагерной теме обращаются Б.Филиппов (рассказы *Счастье, Люди, В тайге, Любовь, Мотив из «Баядерки»*), Л.Ржевский (повесть *Девушка из бункера (Между двух звезд)*). Сцены из жизни блокадного Ленинграда изображает А.Даров в книге *Блокада*, об истории Соловков пишет Ширяев (*Неугасимая лампада*). Выделяются книги Ржевского *Дина и Две строчки времени*, в которых повествуется о любви пожилого человека и девушки, о преодолении непонимания, жизненного трагизма, барьеров в общении.

Большинство писателей второй волны эмиграции печатались в выходившем в Америке [«Новом журнале»](#) и в журнале [«Грани»](#).

ТРЕТЬЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ (1960–1980-е годы)

С третьей волной эмиграции из СССР преимущественно выезжали представители творческой интеллигенции. Писатели-эмигранты третьей волны, как правило, принадлежали к поколению «шестидесятников», немаловажную роль для этого поколения сыграл факт его формирования в военное и послевоенное время. «Дети войны», выросшие в атмосфере духовного подъема, возлагали надежды на хрущевскую «оттепель», однако вскоре стало очевидно, что коренных перемен в жизни советского общества «оттепель» не сулит. Началом свертывания свободы в стране принято считать 1963, когда состоялось посещение [Н.С.Хрущевым](#) выставки художников-авангардистов в Манеже. Середина 1960-х – период новых гонений на творческую интеллигенцию и, в первую очередь, на писателей. Первым писателем, высланным за границу, становится в 1966 В.Тарсис.

В начале 1970-х СССР начинает покидать интеллигенция, деятели культуры и науки, в том числе, писатели. Из них многие были лишены советского гражданства (А.Солженицын, В.Аксенов, В.Максимов, В.Войнович и др.). С третьей волной эмиграции за границу выезжают: Аксенов, Ю.Алешковский, Бродский, Г.Владимов, В.Войнович, Ф.Горенштейн, И.Губерман, С.Довлатов, А.Галич, Л.Копелев, Н.Коржавин, Ю.Кублановский, Э.Лимонов, В.Максимов, Ю.Мамлеев, В.Некрасов, С.Соколов, А.Синявский, Солженицын, Д.Рубина и др. Большинство писателей эмигрирует в США, где формируется мощная русская диаспора (Бродский, Коржавин, Аксенов, Довлатов, Алешковский и др.), во Францию (Синявский, Розанова, Некрасов, Лимонов, Максимов, Н.Горбаневская), в Германию (Войнович, Горенштейн).

Писатели третьей волны оказались в эмиграции в совершенно новых условиях, они во многом были не приняты своими предшественниками, чужды «старой эмиграции». В отличие от эмигрантов первой и второй волн, они не ставили перед собой задачи «сохранения культуры» или запечатления лишений, пережитых на родине. Совершенно разный опыт, мировоззрение, даже разный язык мешали возникновению связей между поколениями. Русский язык в СССР и за границей за 50 лет претерпел значительные изменения, творчество представителей третьей волны складывалось не столько под воздействием русской классики, сколько под влиянием популярной в 1960-е американской и латиноамериканской литературы, а также поэзии М.Цветаевой, Б.Пастернака, прозы А.Платонова. Одной из основных черт русской эмигрантской литературы третьей волны станет ее тяготение к [авангарду, постмодернизму](#). Вместе с тем, третья волна была достаточно разнородна: в эмиграции оказались писатели реалистического направления (Солженицын, Владимов), постмодернисты (Соколов, Мамлеев, Лимонов), антиформалист Коржавин. Русская литература третьей волны в эмиграции, по словам Коржавина, это «клубок конфликтов»: «Мы уехали для того, чтобы иметь возможность драться друг с другом».

Два крупнейших писателя реалистического направления, работавшие в эмиграции – Солженицын и Владимов. Солженицын создает в изгнании роман-эпопею *Красное колесо*, в котором обращается к ключевым событиям русской истории 20 в. Владимов публикует роман *Генерал и его армия*, в котором также касается исторической темы: в центре романа события Великой Отечественной войны, отменившие идейное и классовое противостояние внутри советского общества. Судьбе крестьянского рода посвящает свой роман *Семь дней творенья* В.Максимов. В.Некрасов, получивший Сталинскую премию за роман *В окопах Сталинграда*, после выезда публикует *Записки зеваки*, *Маленькую печальную повесть*.

Творчество Аксенова, лишённого советского гражданства в 1980, отражает советскую действительность 1950–1970-х, эволюцию его поколения. Роман *Ожог* дает панораму послевоенной московской жизни, выводит на авансцену героев 1960-х – хирурга, писателя, саксофониста, скульптора и физика. В роли летописца поколения Аксенов выступает и в *Московской саге*.

В творчестве Довлатова – редкое, не характерное для русской словесности соединение гротескового мироощущения с отказом от моральных инвектив, выводов. Его рассказы и повести продолжают традицию изображения «маленького человека». В своих новеллах он передает стиль жизни и мироощущение поколения 1960-х, атмосферу богемных собраний на ленинградских и московских кухнях, советскую действительность, мытарства русских эмигрантов в Америке. В написанной в

эмиграции *Иностранке* Довлатов иронически изображает эмигрантское существование. 108-я улица Квинса, изображенная в *Иностранке*, – галерея шаржей на русских эмигрантов.

Войнович за рубежом пробует себя в жанре антиутопии – в романе *Москва 2042*, в котором дана пародия на Солженицына и изображена агония советского общества.

Синявский публикует в эмиграции *Прогулки с Пушкиным, В тени Гоголя*.

К постмодернистской традиции относят свое творчество Соколов, Мамлеев, Лимонов. Романы Соколова *Школа для дураков, Между собакой и волком, Палисандрия* являются изощренными словесными структурами, в них отразилась постмодернистская установка на игру с читателем, смещение временных планов. Маргинальность текста – в прозе Мамлеева, в настоящий момент вернувшего себе российское гражданство. Наиболее известные произведения Мамлеева – *Крылья ужаса, Утопи мою голову, Вечный дом, Голос из ничто*. Лимонов имитирует соцреализм в повести *У нас была прекрасная эпоха*, отрицает истеблишмент в книгах *Это я – Эдичка, Дневник неудачника, Подросток Савенко, Молодой негодяй*.

Видное место в истории русской поэзии принадлежит Бродскому, получившему в 1987 Нобелевскую премию за «развитие и модернизацию классических форм». В эмиграции он публикует стихотворные сборники и поэмы.

Оказавшиеся в изоляции от «старой эмиграции» представители третьей волны открыли свои издательства, создали альманахи и журналы. Один из известнейших журналов третьей волны, «Континент», был создан Максимовым и выходил в Париже. В Париже также издавался журнал «Синтаксис» (М.Розанова, Синявский). Наиболее известные американские издания – газеты «Новый американец» и «Панорама», журнал «Калейдоскоп». В Израиле был основан журнал «Время и мы», в Мюнхене – «Форум». В 1972 в США начинает работать издательство «Ардис», И.Ефимов основывает издательство «Эрмитаж». Вместе с этим, свои позиции сохраняют такие издания, как «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Русская мысль» (Париж), «Грани» (Франкфурт-на-Майне).

Татьяна Скрябина

Литература

Гуль	Р. Я	унес	Россию.	Нью-Йорк,	1984–1989	
Глэд	Джон.	Беседы	в	изгнании.	М., 1991	
Михайлов	О.	Литература	русского	зарубежья.	М., 1995	
Струве	Г.	Русская	литература	в	изгнании.	Париж – М., 1996
Агеносов	В.	Литература	русского	зарубежья (1918–1996).	М., 1998	
Русский		Париж.		М.,	1998	
Современное		русское	зарубежье.	М.,	1998	
Менегальдо Е. <i>Русские в Париже. 1919–1939</i> . М., 2001						

http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/LITERATURA_RUSSKOGO_ZARUBEZH YA.html?page=0,5